

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4ШВЕ)-44
Р75

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО
Published by agreement with Salomonsson Agency

Рослунд, Андерс.

Р75   Сделано в Швеции: роман / АНДЕРС РОСЛУНД, СТЕФАН ТУНБЕРГ ;
пер. с англ. Н. ФЕДОРОВОЙ. — Москва : Издательство АСТ: CORPUS,
2016. — 688 с.

ISBN 978-5-17-090250-7

“Сделано в Швеции” — роман известного шведского писателя Андерса Рослунда и сценариста Стефана Тунберга основан на подлинной истории: Швеция, 90-ые годы, три брата и их друг детства обокрали военный склад и разрабатывают идеальное ограбление. Главный их инструмент — хладнокровное насилие, которое они не боятся применять. Стефан Тунберг — четвертый брат, не упоминающийся в книге. По его словам, все происходящее в книге — правда. В интервью газете *The Guardian* он говорит о своей семье: “Мои братья часто прибегали к насилию, чтобы получить желаемое. Они научились этому у отца”.

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4ШВЕ)-44

ISBN 978-5-17-090250-7

© Anders Roslund & Stefan Thunberg, 2014
© Н. Федорова, перевод на русский язык, 2016
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2016
© “Издательство АСТ”, 2016
Издательство CORPUS ®

Содержание

<i>Пролог</i>	9
СЕЙЧАС.	
<i>Часть первая</i>	19
ТОГДА.	
<i>Часть первая</i>	97
СЕЙЧАС.	
<i>Часть вторая</i>	147
ТОГДА.	
<i>Часть вторая</i>	371
СЕЙЧАС.	
<i>Часть третья</i>	401
ТОГДА.	
<i>Часть третья</i>	527
СЕЙЧАС.	
<i>Часть четвертая</i>	563

Если тогда — это сейчас.

Если сейчас — это тогда.

Пролог

Он сидит в желтом “фольксвагене”-фургоне, пропахшем потом, краской и чем-то еще, что он толком не может определить. Может, кофе с автозаправки, в стакане на приборной доске. Может, табачными крошками на пассажирском сиденье. Может, пачкой шпаклевки и малярными кистями на заднем сиденье, только что купленными в магазине на Фолькунгагатан. Или инструментами и обойным столом, лежащими в заднем отсеке, он достал их из этого треклятого складского контейнера, который арендовала *она*, — четыре года все это валялось рядом с его одеждой и его кроватью, некогда половиной их общей.

Вот что это за запах.

Подвал. Склад. Время.

Солнце бьет в стекло машины, в пленку пыли и дохлых мошек. Загадочный зной, являющийся из ниоткуда. Он открывает окно, чтобы остыть, и выпускает

еще больше зноя, а воспоминание о телефонном звонке все жужжит и жужжит в голове.

“Это я”.

“Знаю”.

“Как поживаешь, мой мальчик? Все в порядке? Все хорошо?”

Три часа от Стокгольма. Городишко, окруженный фабриками и еловым лесом. Он медленно кружил там, начиная с полудня, по дороге в район с кооперативным продуктовым магазином, сосисочным киоском и посыпанным песком полем для мини-футбола, — к жилому дому в центре, три этажа из красного кирпича, где он раньше никогда не бывал.

“Все хорошо”.

“Чем занимаешься?”

“Да так... ужинать собираемся. Мама готовит”.

Когда он выехал из столицы, дороги стали уже и неторопливее, прорезая ту часть Швеции, которую он давненько не видел. На окраине городка он остановился у заправки, свернул сигарету, закрылся в телефонной будке и набрал заученный наизусть номер. Ответила она, замолчала, услышав его голос, и передала трубку старшему сыну.

“А твои братья, Лео? Как у них дела?”

“Все по-старому... как всегда”.

“Все дома?”

“Все тут”.

Последние километры он ехал медленно, мимо церкви, и старой школы, и площади Стура-торг, где народ наслаждался солнцем, которое скоро обернется тучами и громом — такая жарница чревата грозой.

“Может, передашь трубку Феликсу?”

“Ты же знаешь, он не хочет с тобой разговаривать”.

Он припарковался напротив дома, неотрывно глядя на дверь, которая словно бы тоже глядела на него.

“Ладно... А Винсента можешь позвать?”

“Он играет”.

“В «Лего»?”

“Нет, он...”

“В солдатиков? Скажи, что он делает”.

“Читает что-то... Папа, солдатики были давным-давно”.

Окно наверху справа, подумал он, наверно, та самая квартира, старший сын столько раз ее ему описывал, что он прямо воочию видит: кухня сразу налево от входа, коричневый круглый стол и четыре стула, не пять; прямо напротив входа — гостиная, дверь с матовым стеклом, сквозь которое ничего не разглядишь; направо — ее спальня и вторая половина кровати, оставшаяся у нее, потом детские комнаты, такие же, как раньше, когда они жили все вместе.

“А ты?”

“Я...”

“Что делаешь ты, папа?”

“Еду домой”.

Пятикомнатная квартира — целый мир собственных, особых звуков. Когда мама открывает на кухне кран над мойкой, глухой шум воды смешивается с дребезжанием столовых приборов в лотке и хрупким звоном тарелок в серванте. Сообща они изо всех сил стараются перекрыть телевизор в гостиной, Феликс, сидя на угловом диване, смотрит мультики, чьи персонажи пицчат фальцетом, из двух огромных колонок Лео доносится музыка, вдобавок из наушников плеера, надетых набекрень на голову Винсента, сочится негромкий голос, рассказывающий сказку, — все эти звуки перемешаны, переплетены и сплавлены воедино.

Спагетти готовы, мясной соус пышет жаром.

Мама снимает с Винсента наушники, шепчет: “Пора за стол”, и Винсент мчится по коридору, выкрикивая: *пора, пора за стол!*

Телевизор выключают. Музыка смолкает.

Почти в полной тишине все они идут к кухонному столу, а затем вторгается новый звук, звук-нарушитель — дверной звонок.

Винсент уже на обратном пути в коридор.

— Я открою.

Феликс мимо телевизора бежит к входной двери.

— Нет, я!

Оба мчатся к двери, Винсент подбегает первым, дотягивается до замка, но повернуть ручку не может. Феликс, отставший всего на шаг, снимает руку Винсента с замка, смотрит в глазок. Лео видит, как Винсент опять тянется к замку и опять не может с ним справиться, а Феликс, отпрянув назад, оборачивается, и на лице у него страх, какого давно не бывало.

— Что случилось?

Феликс кивает на дверь.

— Там.

— Что — там?

Новый звонок. Долгий, и Лео идет к входной двери. Винсент подпрыгивает, хочет открыть, но Феликс не отпускает ручку.

— Феликс, Винсент... давайте отсюда. Я сам открою.

Позднее она даже не сумеет вспомнить, обернулась ли на самом деле, успела ли удивиться, почему мальчики замерли без движения. В памяти останется только одно: его курчавые волосы отросли, а дыхание перестало пахнуть красным вином.

И он ударил ее, но не как раньше.

Слишком сильно бить нельзя, она упадет, а он хочет, чтобы она смотрела ему в глаза, пока он уничтожает ее, уничтожает за то, что она пренебрегла им, отдала телефонную трубку старшему сыну. Пусть смотрит ему в глаза, теперь, когда они встретились, в первый раз за четыре года.

Первый удар — правым кулаком в левую щеку, затем рука впивается ей в шею, поворачивает голову так, что они смотрят друг на друга. Второй, третий, четвертый удар — с другой стороны, левым кулаком в правую щеку (*смотри на меня!*), быстро, с силой; она, защищаясь, прикрывает голову, выставив костлявые локти, точно каску.

Одна рука у нее на шее, другая в волосах, он заставляет ее стоять, хотя она тяжелеет, хочет упасть, лечь на пол, защититься, а он уже жмет на затылок, вынуждает опустить голову, пинает коленом (*получай!*), еще и еще раз (*получай!*).

Лео не понимает жуткой тишины.

Потому-то и действует не сразу. Папа бьет маму по лицу, бьет методично и молча, хотя обычно они слышали, когда папа бил. Сейчас он вроде и папа, и кто-то еще, совсем чужой. Мама не кричит. Винсент прячется за спиной у брата, а Феликс так и стоит у входной двери.

Они пока не сравнялись с ним ростом. Если б сравнялись, Лео не пришлось бы прыгать ему на спину. А именно так он и поступает, когда папа начинает пинать ее, когда Лео понимает, что на сей раз он не остановится, пока не убьет маму. Лео висит у него на спине, руками сдавливает ему шею, и в конце концов папа дергивает его со спины и отшвыривает на пол.

Но, по крайней мере, он выпускает ее голову.

Не устояв на ногах, Лео падает, а мама, в полном смятении, отступает на несколько шагов, заслоня лок-

тями лицо, залитое кровью из глубокой раны на скуле, оставленной папиными кулаками. Папа не дает ей уйти, снова хватается, как раньше, — пусть смотрит на него, — и опять бьет.

Новый удар. Кулаком в нос и рот.

И еще один, больше он не успевает — Лео вскакивает, протискивается между ними, вскидывает руки, пытается защитить ее.

Нет, папа.

Он стоит в пустоте. Между мамой, которая обливается кровью, и отцом, который хочет ударить снова, но не может, потому что мешает другое лицо.

Лео вцепляется в него.

Не в шею, для этого папа слишком высокий, не в плечи. Лео до них не дотянуться, он хватается отца за талию и за грудь.

Нет, папа.

Мальчик пытается устоять на ногах, носки скользят, он вынужден опереться в ножки стола, отчаянно отталкивая отца. Толком не выходит, но, по крайней мере, отец выпускает из рук ее волосы.

Мама выбегает из кухни в коридор, к входной двери, распахнутой настежь. Поскальзывается на гладких плитках лестничной площадки, кровь течет на пол, при каждом шаге она всхлипывает и стонет.

Они остались наедине.

Лео не разжимает рук, крепко держит отца за талию, словно обнимает.

— Настал твой черед, Леонард.

Запах еды, спагетти под мясным соусом, и мамина кровь. Они смотрят друг на друга.

— Ты ведь понимаешь, да? Меня с вами больше не будет. С этой минуты вся ответственность на тебе.

Теперь у папы совсем другие глаза — они не прячутся, смотрят в упор, и хотя папа молчит, глаза говорят.

На всякий случай:
этот роман основан на реальной истории.

